

W. MONTGOMERY WATT
THE INFLUENCE OF ISLAM ON MEDIEVAL EUROPE
EDINBURGH UNIVERSITY PRESS, 1972

У. МОНТГОМЕРИ УОТТ

ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА СРЕДНЕВЕКОВУЮ ЕВРОПУ

Когда арабские исследования, арабская мысль, арабские сочинения предстают в полном объеме, становится ясно, что без арабов европейская наука и философия не смогли бы развиваться такими темпами. Они не только сохранили живыми науки, которые постигли, но и расширили их диапазон. Когда около 1100-го годов европейцы стали серьезно интересоваться наукой и философией своих врагов сарацинов, эти науки в расцвете. Европейцам пришлось учиться у арабов всему, что было возможно, прежде чем они смогли двинуться вперед.

У. Монтгомери Уотт

ДОСТИЖЕНИЯ МУСУЛЬМАН В НАУКЕ.

Говоря об арабских достижениях в науке и философии, важно установить, насколько арабы были передатчиками того, что открыли греки, и каков был их собственный вклад.

Похоже, что многие европейские ученые судили об этом с некоторой предвзятостью, направленной против арабов. Даже те, кто хвалил их, делали это неохотно. Так, автор главы Астрономия и математика в книге *The legacy of Islam* (Наследие Ислама) барон Карра де Во полагает необходимым начать с пренебрежительного высказывания:

Не следует искать у арабов того же могучего гения, того дара научного воображения, того энтузиазма, той оригинальности мысли, что у греков. Арабы прежде всего, - ученики греков, их наука продолжает греческую, которую она сохраняет, культивирует и в ряде пунктов развивает и совершенствует.

Чуть дальше, однако, он милостиво развивает последнюю фразу так:

и действительно арабы добились огромных успехов в науке. Они научили использовать цифры¹, хотя и не они их изобрели, и стали, таким образом, основоположниками современной арифметики. Они превратили в точную

¹ Арабские цифры - У. М. У.

науку алгебру, значительно развив ее, и заложили фундамент аналитической геометрии. Они бесспорно были основателями плоскостной и сферической тригонометрии, которой, строго говоря у греков не было совсем. В астрономии они также сделали много ценных наблюдений.

Дать объективную оценку научным достижениям арабов весьма трудно. Науки я буду рассматривать по отдельности, стараясь установить, что в каждой из них было общеарабским вкладом, а что было внесено испанскими арабами.

МАТЕМАТИКА И АСТРОНОМИЯ

Первыми греческими сочинениями, выбранными для перевода (на арабский), были те, предмет которых представлял насущный интерес для арабов, в особенности сочинения по медицине и астрономии. Астрономия была тогда практической дисциплиной - прежде всего потому, что она давала возможность определить направление на Мекку, куда мусульманам надлежало обращаться при молитве. Математика также находила себе практическое применение; именно в этой сфере сделали свои первые шаги арабские ученые.

Первым значительным именем как в математике, так и в астрономии было имя аль-Хорезми, известного европейцам как Алгорисмус (Alhwarismus). От этой модификации его имени был образован термин АЛГОРИТМ. В период правления халифа аль-Мамуна он работал в Байт аль хикма¹ и умер вскоре после 846 года. Он сделал для аль-Мамуна свод нескольких индийских астрономических таблиц, известных под названием Синд Хинд. Аль-Хорезми принадлежит также описание обитаемой части мира, основанное на Географии Птолемея. Наибольшее распространение, однако, получили его математические работы. Одна из них считается основополагающей для алгебры², а другая - первая работа по арифметике³, где используется нынешняя система счисления, т.е. цифры, известные как арабские

Происхождение десяти знаков цифрового обозначения достаточно туманно. Арабские авторы называют их индийскими, но ни у одного из этих авторов до сих пор не было обнаружено отсылки на какую-либо индийскую работу или автора. Этот странный факт позволил некоторым из европейских ученых предположить, что арабы заимствовали у византийцев одну из двух форм записи этих десяти знаков. Большинство исследователей, однако, в настоящий момент придерживаются мнения об индийском происхождении современных цифр. Греки использовали для дробей и других целей шестеричную систему, эту традицию продолжали арабские астрономы. Но большинство тех, кто сталкивался с арифметикой, осознали преимущества индийской системы с десятью знаками, значимость которых обусловлена их позицией. Аль-Хорезми и его последователи разработали

-
- 1 Дом мудрости. Это переводческий центр, где переводились на арабский все известные научные труды древнего мира
 - 2 Само слово алгебра происходит от ее названия
 - 3 За исключением индийских сочинений

методику проведения арифметическим путем различных сложных математических операций, таких, как извлечение квадратного корня. В сочинении написанном около 950 года человеком по имени *аль-Уклюдиси (Эвклидианец)*, можно обнаружить начало учения о десятичных дробях. Среди математических трудов, которые переводились на латынь, были сочинения *ан-Найризу (Anaritius)* (ум. ок. 922 г.) и столь же известного *Ибн аль-Хайсама (Alhazen)* (ум. в 1039 г.). Последний, усвоив все труды греков и предшествующих арабских математиков и физиков, перешел к разрешению новых проблем. Сохранилось около 50 его книг и трактатов, из которых наиболее известна *Китаб аль-Маназир*¹. В этом сочинении, среди прочих рассуждений, он опровергает теорию Евклида и Птолемея о видимых лучах, которые следуют от глаза к объекту, и утверждает, что наоборот, свет следует от объекта к глазу. Он рассматривает также вопрос, и по сей день называемый проблемой Альгазена, и предлагает способ решения уравнений четвертой степени. Он проводил множество экспериментов, и результаты его работы со сферическими и параболическими зеркалами над рефракцией света при прохождении через прозрачную среду дали возможность определить плотность земной атмосферы. Он вплотную подошел также к открытию принципа увеличивающих линз.

В Ираке астрономия существовала еще за век до арабского завоевания, она основывалась частично на греческой астрономии, особенно на трудах Птолемея, частично на индийской. Когда астрономией заинтересовались арабы, они приняли переводы как с греческого и сирийского, так и с санскрита и пехлеви. Основопологающим теоретическим трудом считался Альмагест (араб. Ал-Маджисти) Птолемея. Но затем арабы убедились в слабости птолемеевской системы и подвергли ее критике.

Большая часть астрономических работ не касалась вопросов теории, а уделяла все внимание астрономическим таблицам, объединенным названием зидж. Наборов таких таблиц было много, они вели начало из индийских, персидских и греческих источников. Несоответствия между ними побуждали арабов производить более точные наблюдения за светилами. Особой точностью отличались таблицы, составленные около 900 г. аль-Баттани (Albategnius). Его скупулезные наблюдения затмений использовались в сравнительных целях еще в 1749 г.

Мусульманская Испания вносила свой вклад в математические и астрономические штудии, через нее и европейские ученые могли соприкоснуться с живой научной традицией. Самым ранним в этой области был *Маслама аль-Маджрити* (Мадридский), он жил преимущественно в Кордове и умер около 1007 года. В первой половине XI в. известностью пользовались два математика-астронома *Ибн ас-Самх* и *Ибн ас-Саффар* и астроном *Ибн Абу-р-Риджал* (Abenragel). После этого до конца XII в. выдающихся имен не было, а затем появились два серьезных астронома в Севилье: *Джабир ибн Афлах* (Geber) и *ал-Битрауджи* (Alpetragius). Первый особенно известен работами по сферической тригономет-

1 В латинском переводе Opticae thesaurus

рии, дисциплине, в которой арабы вообще достигли большого прогресса. Второй критиковал некоторые из теоретических положений Птолемея - в духе возродившегося аристотелизма того времени. Позднее в Испании условия не располагали к подобным занятиям, но некоторые научные традиции сохранялись в Северной Африке.

МЕДИЦИНА

После первого периода переводов, когда основные работы Галена и Гипократа стали доступны арабам, некоторые мусульмане достигли такого положения в медицинской науке, что оказались много выше своих христианских и греческих предшественников. Здесь достаточно назвать двух самых знаменитых: **Разеса** и **Авиценну**; третьим был врач, известный в Египте как **Хали Аббас**. Отметим также, что за промежуток времени в пять веков - от 800 до 1300 г. - получили известность арабские работы по медицине более чем 70 авторов.

Разес, или **Абу бакр Мухаммад ибн Закарийя ар-Рази**, родился в Рее, близ современного Тегерана и умер там же, или в Багдаде между 923-932 гг. По его совету было выбрано место для строительства больницы в Багдаде и, как сообщают, он был первой ее главой. Он плодотворно работал во всех направлениях науки и философии того времени, но, по общему мнению, особых успехов достиг только в медицине. Сохранилось более 50 его сочинений. Одно из наиболее известных - **Трактат о ветряной оспе и кори (Dt la variole et delarougeole)**, который был переведен на латынь, греческий, французский и английский. Его величайший труд - **аль-Хави** (Всеобъемлющая книга) - энциклопедия медицинских знаний того времени - был завершен учениками после его смерти. По каждой болезни он приводит там точку зрения греческих, сирийских, индийских, персидских и арабских авторов, а затем присовокупляет к ним замечания и наблюдения из собственной практики и выносит заключительное суждение. Сохранившиеся части этого произведения были в конце XIII в. переведены на латынь сицилийским врачом-евреем.

Хотя совершенство ал-Хави ар-Рази признавалось всеми, некоторые находили это сочинение слишком уж длинным, и через полвека Али ибн Аббас ал-Маджуси (ум.994), придворный врач буида Адуд ад-Даула, написал книгу Совершенное искусство медицины (**Ал-Куннаш ал-Малаки**). Книга эта была одной из первых переведена на латынь и завоевала широкую известность в Европе как *Liber regius*.

Вторым выдающимся автором медиком, писавшим по-арабски был **Ибн Сина**, или Авиценна (ум. 1037). Подобно ар-Рази, он писал на различные темы и обычно считается более великим философом, чем врачом. Тем не менее его обширный **Канон медицины** называют высшим достижением, шедевром арабской систематики (Майерхоф). Канон был переведен на латынь в XII в. и доминировал в препо-

давании медицины в Европе по крайней мере до конца XVI в. В XV веке он выдержал 16 изданий, в XVI в. - 20 изданий, в XVII в. еще несколько.

Мусульманская Испания не отставала в медицинских исследованиях, хотя больниц таких размеров, как на Востоке там не появлялось до XIV века. Там появились оригинальные труды **Абу-л-Касима аз-Захрави** (Abulcasis) (ум. после 1009). Его сочинения по хирургии и хирургическим инструментам явились выдающимся вкладом арабов в эту область. Некоторые испанские философы были одновременно сведущими врачами. Кроме **Аверроэса** можно назвать **Ибн Зухра** (Avenzoar) из Севильи (ум. 1161). В XIV в. в Испании все еще были арабские врачи, писавшие о чуме, свидетелями которой они были в Гранаде и Альмерии ; они вполне осознавали инфекционный характер этой болезни.

ПРОЧИЕ НАУКИ

Из прочих наук, культивируемых арабами, самой важной была алхимия - в значении химия . Напереднем крае научной алхимии арабов стоит корпус сочинений, приписываемых **Джабиру ибн Хаййану** (Geber), который жил во второй половине VIII в. Этот свод, сообщая сведения о многих отраслях древней науки, дает полное представление об алхимии как науке, основанной на эксперименте, использующей различную методику и инструменты для работы с химическими веществами. Некоторые слова, обозначающие химические вещества и лабораторную посуду, перешли из джабирова корпуса в европейские языки.

Несколько великих ученых мусульманского мира были знатоками в алхимии наряду с другими дисциплинами. Врач ар-Рази написал по алхимии важные трактаты. Гипотеза взаимоперехода элементов была опровергнута философом и врачом Ибн Синой и другим ученым, которого мы еще не упоминали, **ал-Бируни**. (ум. 1048). Он известен в основном как специалист по Индии, его исследования включали и индийскую науку. В области алхимии ему принадлежит измерение удельного веса многих веществ, произведенное с большой точностью.

В ботанике, зоологии и минералогии работа арабов состояла в описании и систематизации растений, животных и камней. Некоторые из этих трудов имели практическое значение для фармакологии и медицины. Наибольшими были, по всей вероятности, успехи, достигнутые в ботанике. Основополагающим трудом, ныне утерянным, было сочинение историка **ад-Динарави** (ум. 895). Но наиболее важная часть содержания этой книги вошла в обширные работы **Ибн ал-Байтара** из Малаги (ум. 1248), который был в первую очередь фармакологом, но внес ценный вклад в и в ботанику.

ТЕХНИКА, СВЯЗАННАЯ С МОРЕХОДСТВОМ

В оснастке судов арабы использовали в Средиземноморье опыт, приобретенный в Индийском океане, где оживленной торговле обширного района от Кильвы в Восточной Африке до Малаккского пролива им принадлежала главенствующая роль. Именно в Индийском океане (несмотря на свое западное название) был изобретен латинский (треугольный) парус и оснащенное такими парусами судно, а на Средиземном море арабы впервые стали использовать латинскую каравеллу. Преимущество подобных судов заключалось в том, что они могли двигаться против ветра, тогда как оснащенные квадратными парусами карраки Средиземноморья могли лишь плыть по ветру. Принцип треугольного паруса был заимствован европейскими корабельщиками и развит ими, это позволило построить более крупные суда, которые смогли пересечь Атлантику и совершить длительные путешествия, приведшие к великим географическим открытиям.

Основные достижения в совершенствовании морского компаса принадлежат поровну европейцам и арабам. Детали неясны, но известно, что от открытия свойств намагниченного куска железа до изготовления инструмента, который годился бы для нужд мореплавателей, было пройдено множество этапов. Возможно, первый шаг сделал тот, кто поместил иглу или намагниченный кусочек железа на плавающей в воде деревяшке, но ведь за этим первым шагом следовало столько других! Некоторое время считалось, что компас изобрели китайцы в III тысячелетии до н. э., но в основе этого предположения лежит неверное истолкование легенды. Первое свидетельство об использовании компаса китайскими моряками датируется 1100 г. н. э., там же сказано, что они ранее видели, как компасом пользовались иностранцы. Это могли быть арабы, поскольку китайцы к IX в. вели торговлю в Персидском заливе и Красном море. Когда европейцы вступили в контакт с китайскими мореходами, они обнаружили, что китайский компас был хуже их собственного; но летописец путешествия Васко да Гамы полагает, что арабы, которых они встретили в Индийском океане, едва ли уступали португальцам в искусстве мореплавания.

Другой источник приписывает изобретение компаса Флавио Джойа из Амальфи в 1302 г. Это сообщение нельзя принимать на веру, поскольку в европейской литературе компас упоминался уже в 1187 и 1206 гг. В арабской литературе он упоминается около 1220 г., возможно, при использовании в восточных водах, а также сообщается о применении компаса при путешествии из Триполи в Александрию в 1242 г. Видимо, Джойа принадлежало какое-то усовершенствование этого прибора, может быть, добавление циферблата с делениями. Из приведенных фактов с достаточной убедительностью следует, что арабы и жители Западной Европы обменивались познаниями в этом вопросе. Основная заслуга в развитии этого инструмента, возможно, принадлежит арабам, но его дальнейшее усовершенствование - бесспорно дело рук европейцев.

В других направлениях арабы также, хотя и в меньшей степени, внесли свой вклад в развитие европейского мореходства. Портоланы, или морские карты, которые были для мореплавателей важным инструментом, были созданы генуэзцами и др. на основе мусульманских морских карт. Свидетельством тому является и восприятие европейскими языками многих арабских слов. В английском языке самые заметные из этих заимствований: *admiral* (адмирал), *cable* (кабель), *shallop (sloop)* [шлюп], *barque* (барк), *monsoon* (муссон), но в других языках их еще больше.

В этой связи можно отметить, что именно от арабов европейцы получили более широкие и точные географические представления о мире. В начале XII в., судя по тому, что писал Уильям Малмсберийский, еще считалось, будто весь мир, кроме Европы, принадлежит мусульманам. В середине того же века благодаря деяниям двух сицилийских королей - Роджера II (1130-1154) и его сына Вильгельма I (1154-1166) европейцам стали доступны сравнительно точные сведения об Индии, Китае и северной части Африки. Под покровительством этих государей арабский ученый из Северной Африки и Кордовы аль-Идриси (1100-1166) создал полное описание мира, известного тогда мусульманам. Он изучил труды прежних арабских географов, от имени короля собирал сведения у посещавших Сицилию путешественников и сам много путешествовал от Азии до западных берегов Англии. Полученные данные он использовал в своей серии из 70 карт¹, сопроводив каждую карту описанием; в этот труд вошло также добавление, которое иногда называют Книгой Роджера.²

ПРОДУКЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ

В Испании, за исключением ее северной части, выпадает мало осадков и без орошения большинство видов земледелия невозможны. Система орошения существовала в Испании и в римские и в вестготские времена, но очевидно, что арабы расширили и усовершенствовали ее на основе приобретенного на Ближнем Востоке опыта по распределению и сбережению воды. Свидетельством тому служит широкий круг испанской лексики по технике ирригации, ведущей происхождение из арабского языка: *asequia*, *alberca*, *aljibe*, *norja*, *arcaduz*, *azuda*, *almatricha*, *alcantarilla*, *atarjea*, *atanor*, *alcorque*. Помимо этого языкового доказательства существует очевидное сходство между формой водяных колес, все еще используемых в Испании, с подобными колесами в Марокко и на Ближнем Востоке; весьма вероятно, что изобретены они были именно на Ближнем Востоке.³

1 По десять карт на каждый из семи климатов

2 Об аль-Идриси см.: Aldo Mieli, *La science arabe* (см. прим.1 к гл. III), стр. 198 и сл.: GAL, Bd I, стр. 628; SBd I, стр. 876; *Legacy of Islam*, стр. 89-91; EL 2, vol. III (G. Oman), в последней содержится небольшая библиография. Об арабской географии вообще см. большую статью в Энциклопедии Ислама S. Maqbul Ahmad, *Djughrafiya*, EL 2, vol. II, а также A. Mieli, параграфы 14, 22, 32, 44, 48

Развитие ирригации привело к появлению в Испании культур, возделывание которых, требует достаточного количества влаги, таких, как сахарный тростник, рис апельсины, лимоны, баклажаны, артишоки и хлопок¹. Разумеется, продолжалось и развивалось выращивание уже известных в Испании культур. Помимо зерновых среди них были виноград, оливки и инжир, а также вишни, яблоки, груши, гранат и миндаль, а в более теплых районах - бананы и различные виды пальм. Возделывались разные растения, используемые как приправы или красители: шафран, сафлор, кумин, кориандр, хна, марена, вайда. Там где росла шелковица, процветало шелководство; возделывали также лен и вывозили льняные изделия. В степи собирали дикорастущий эспарто (трава альфа) и изготовляли из него различные плетеные изделия.

Полезные ископаемые Испании разрабатывались более широко, чем раньше. Высоко ценились испанское железо и медь, так же как и киноварь, из которой добывали ртуть. Есть сведения о добыче золота, серебра свинца и олова, а также о разработках драгоценных и полудрагоценных камней.

ИСКУССТВО КРАСИВОЙ ЖИЗНИ²

Изобилие сельскохозяйственных продуктов и полезных ископаемых использовалось испанскими арабами для увеличения жизненных радостей - хотя бы для людей зажиточных. Но и более бедные слои получали некоторую долю от богатств страны. Современный турист, очарованный красотой Алькасара в Севилье или Альгамбры в Гранаде, может лишь смутно представить себе роскошь, окружавшую былых обитателей этих дворцов, а исследователь литературы - извлечь блески этой красивой жизни из рассказов и стихов того времени.

Неудивительно, что в мусульманской Испании развивались различные ремесла, производящие предметы роскоши как для внутреннего рынка, так и на вывоз. Среди производимых ими товаров были великолепные тонкосуконные ткани, льняные изделия и шелка, немногочисленные образцы которых сохранились до сих пор. В Испании было также много различных мехов: их использовали для отделки и в качестве самостоятельных частей одежды. Было высоко развито гончарное дело, а также производство изразцов, завезенное с Востока. Во второй половине IX века в Кордове был открыт секрет производства хрусталя. Там же было особенно много мастеров-чеканщиков, которые изготовляли изящные сосуды и фигурки животных из меди и бронзы. К X в. Кордова стала соперничать с Византией в работе по золоту и серебру и ювелирному искусству. Сохранившиеся великолепные ожерелья, браслеты, серьги и другие украшения позволяют нам оценить высокий уровень мастерства исполнения и художественного вкуса. То же от-

3 Об арабских формах ирригации см. Americo Castro. The Structure of Spanish History, Princeton, 1954, стр. 98 и сл

1 Английские названия также арабского происхождения

2 Необходимо отметить, что извращенное стремление к роскоши не поощряется Исламом. Однако многие факты изложенные в этой главе представляют большой интерес

носятся и к изделиям из слоновой кости. Одной из отраслей ремесла была резьба по дереву, которое инкрустировали перламутром и слоновой костью. Существовало много видов декоративных работ по коже, немалое место среди них занимало изготовление книжных переплетов.

Рамкой для всей этой роскоши служили великолепные здания, которые мы называем мавританскими. В них использовали местные материалы и старая иберийская строительная техника. Даже подковообразная арка, эта отличительная черта мавританской архитектуры, очевидно, была заимствована у вестготских построек. И все же испанский язык свидетельствует, что именно арабам принадлежат многие усовершенствования в строительной технике. Даже сами слова строение, дом (*alarife, albanil*) заимствованы из арабского. К ним можно прибавить и такие, как *alcazar, alcoba, azulejo, azotea, baldosa, zaguan, aldaba, alfeizar, falleba*. Есть сведения, что в Испанию были привезены византийские мастера, но похоже, что преобладал все-таки сирийский элемент - ведь в Испании работали и арабские мастера.¹

Прежде чем собрать воедино эти различные элементы, составляющие истинно красивую жизнь, общество, во всяком случае высшие слои, должно было выработать изысканный вкус. Особенно важно при этом было влияние таких восточных центров, как Медина и Багдад. А в распространении этого влияния ведущую роль сыграл музыкант и певец Зирйаб, который жил в Кордове с 822 г. до своей смерти в 857 г. В молодости он пел и играл в Багдаде перед Харун ар-Рашидом (786-809). Когда он задумал покинуть Багдад, омейядские правители сманили его в Кордову, а там завалили подарками. Он не только поднял уровень инструментального и вокального исполнения, но и стал законодателем вкусов калибра Петрония или Бо Брюммеля (Красавчик Брюммель). Так, ему приписывают определение последовательности, в которой должны подаваться кушанья на пирах, и похоже, что порядок подачи блюд, которому мы следуем в самых торжественных случаях, восходит к Зирйабу². Приготовление различных кушаний его также интересовало, и он привез с Востока много рецептов. Он наглядно показал, что тонкая стеклянная посуда гораздо изящнее, чем золотые и серебряные кубки. Он уделял внимание прическе и прочим формам культуры красоты и ввел моду носить разную одежду в разные сезоны. Подобные идеи получили широкое распространение среди высших классов мавританской Испании.³

1 Об арабском влиянии в строительстве см. Americo Castro. *The Structure of Spanish History*, Princeton, 1954, стр. 97 и сл.

2 Зирйаб рекомендовал подавать сначала супы, затем первые мясные блюда, потом приправленную пряностями птицу и завершать трапезу сдобным печеньем. Следует заметить, что мусульманский Восток оказал еще более значительное влияние на повседневную пищу европейцев: восточные специи облагораживали их не слишком разнообразный стол, особенно в зимнюю пору, когда основными продуктами питания были солонина и сушеная рыба. Подлинный переворот произвело в европейской кухне введение в обиход сахара: до этого из всех сладостей европейцы употребляли лишь мед

3 О влиянии Зирйаба см.: Г. Глоц *Histoire du Moyen age*, t. I, стр. 268-272

Зирйаб был лишь одним из многих музыкантов. Арабы изобрели или усовершенствовали много разных музыкальных инструментов. Особенно популярны на востоке были песни под аккомпанимент лютни, пандоры, псалтериона, флейты и пр., чтобы подчеркнуть ритм, использовали барабаны и тамбурины. Инструментальная музыка иногда исполнялась и во время военных действий. Существует много арабских сочинений по теории музыки, некоторые из них основаны на трудах греческих авторов, другие развивают собственное учение.

И в музыкальной теории, и в практике арабы Испании проявили себя в полной мере. Севилья была известна производством музыкальных инструментов, а арабские слова для названий лютни¹, гитары, ребека и литавр на испанском языке показывают, откуда пришли эти инструменты. Несколько арабских теоретических работ по музыке были переведены на латынь и древнееврейский, гораздо большее влияние на Европу оказала музыкальная практика арабов, их манера пения и игры, которая была широко распространена менестрелями. Моррисовы танцоры в Англии². Исполняющие свое представление с игрушечными лошадками и бубенчиками, это тоже реминисценция об арабских менестрелях.³

Одной из сторон красивой жизни было знакомство с книгами, владение которыми облегчилось для арабов с использованием в книжном деле бумаги. Бумагу изобрели в Китае; есть сообщения, что в середине VIII века несколько китайских ремесленников были захвачены в плен арабами, но заработали себе свободу, изготовив бумагу. Ее важность поняли быстро: ведь она была гораздо дешевле египетского папируса. Визирь халифа Харуна ар-Рашида Йахья Бармакид построил в Багдаде около 800 г. первую бумажную мельницу. Затем, через Сирию и Северную Африку производство бумаги пришло на Запад, в том числе в Испанию, и получило широкое распространение. В XII в. французские паломники в Компостеллу (Испания) приносили домой листки бумаги как диковинку, однако Роджер II Сицилийский использовал бумагу еще в 1090 г. Из Испании и Сицилии применение бумаги распространилось и в другие европейские страны, но бумажные мельницы в Италии и Германии появились лишь в XIV в.

СМЕЩЕНИЕ КУЛЬТУР В МУСУЛЬМАНСКОЙ ИСПАНИИ

Ни один христианский анклав на севере Испании не сохранился в строгой изоляции от влияния мусульман; напротив, в большей частимусульманской Испании постепенно формировалась однородная испано-арабская культура, со временем распространившаяся на северо-запад и взявшая верх над местной культурой. В мусульманских областях, видимо, и христиане и мусульмане знали арабский

-
- 1 Слово лютня происходит от арабского ал-уд, гитара - от кытар, ребек - от рабаб, литавр - от ат-табал
 - 2 Само название произошло от слова Moorish - мавританский
 - 3 О влиянии арабской музыки см. статью Х. Дж. Фармера в сборнике The Legacy of Islam ? стр. 356-375 и его же History of Arabian Music to the XIIth Century, London, 1929

язык, хотя в быту и те и другие пользовались романским диалектом с включениями арабизированной лексики. В период мусульманского господства христиане настолько полно восприняли культуру правящей нации (во всем, кроме религии), что их называли **мосарабы** (т.е. арабизированные). В часто приводимом отрывке из сочинения епископа Алвара, написанного в 854 г., он жалуется, что молодые люди из христианской общины настолько увлечены арабской поэзией, что ради изучения арабского пренебрегают латынью¹. Иудеи, чье положение улучшилось при арабах, также приняли господствующую культуру во всем, кроме религии. Хотя эта господствующая культура была по духу в основном мусульманской, арабо-мусульманские элементы смешались в ней с иберийскими. Символом этого служит заимствованная у вестготов подковообразная арка.

С двух сторон распространению арабо-испанской культуры способствовала и Реконкиста: во-первых некоторые из христианских принцев заставляли мосарабов покидать юг и селиться в безлюдных и постоянно оспариваемых марках. Во-вторых, когда христианские территории стали вновь присоединять к себе мусульманские города, многие мусульмане оставались там жить под властью христианских правителей. По культуре эти города продолжали быть мусульманскими или арабо-испанскими, и изменяться склонны были покорители, а не покоренные. Яркий пример тому - Толедо, отвоеванный Реконкистой в 1085 г. и продолжавший играть важную роль в истории европейской культуры.

Так благодаря торговым связям и политическому факту присутствия мусульман в Испании и Сицилии более высокая арабо-мусульманская культура постепенно проникла в Западную Европу. Хотя Западная Европа была связана с Византийской империей, она позаимствовала у арабов гораздо больше, чем у византийцев. Однако большинство европейцев едва ли осознавали мусульманский характер перенимаемых ими новшеств.²

1 Этот кордовский епископ писал: Многие из моих единоверцев читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы опровергать, а чтобы научиться, как следует выражаться на арабском языке с большей правильностью и изяществом. Где теперь найдется хоть один, кто бы умел читать латинские комментарии на священное писание? Кто среди них изучает Евангелия, пророков и апостолов? Увы! Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, знают только язык и литературу арабов, читают и ревностно изучают арабские книги. Даже забыли свой язык, и едва найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятелю сносное латинское письмо. Наоборот, бесчисленны те, которые умеют выражаться по-арабски в высшей степени солидно и сочиняют стихи на этом языке с большей красотой и искусством, чем сами арабы - Цит. по кн. И. Ю. Крачковский, Арабская культура в Испании. М.-Л., 1937, стр. 11-12

2 Например, арабские надписи на ввезенных с Востока тканях воспринимались европейцами просто как геометрический орнамент. В картине Джотто Воскрешение Лазаря куфические письмена отчетливо видны даже на повязке, украшающей плечо Иисуса. Фламандские и итальянские живописцы XIV-XV вв., по видимому, также не придавали особого значения мусульманскому происхождению ковров, которые они изображали на своих картинах лежащими под ногами христианских святых и девы Марии.

НАУКА И ФИЛОСОФИЯ В ЕВРОПЕ

В отношении европейцев к арабам сочетались такие контрасты, как глубокий страх и восхищение, смешанные с признанием превосходства арабов. К концу XI в., ко времени захвата Толедо (1085), окончательного завоевания Сицилии (1091) и падения Иерусалима (1099) страх значительно ослабел. Возможно как раз это обстоятельство позволило европейцам сосредоточить внимание на том, что их восхищало в духовной культуре арабов. Может быть, они стали бы изучать арабскую науку, даже если бы не было этих военных успехов, но факт остается фактом: именно в XIII в. европейские ученые, интересующиеся наукой и философией, осознали, как много им надо учиться у арабов, и принялись штудировать основные арабские труды, а также переводить их на латынь.

ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ С АРАБСКОЙ НАУКОЙ

Еще до начала эпохи переводов в XIII в. можно отметить отдельные попытки двинуть вперед науку. Некоторые отрывочные свидетельства дают основание полагать, что переводчики на латынь начали свою деятельность еще в IX в. Первым значительным ученым, занимавшимся арабской наукой, был **Герберт из Ориака**, ставший впоследствии **Папой Сильвестром II** (999-1003). В области математики ему принадлежит изобретение счетов новой формы¹, но они не получили всеобщего распространения.

О X и XI вв. Есть и некоторые другие свидетельства. Рипольская рукопись X в. содержит два латинских трактата об **астролябии**², которые, по всей вероятности, составлены по арабским источникам. Известно, что в Льеже около 1025 г. была астролябия. Еще две книги об астролябии³ приписываются немецкому ученому **Херманусу Контрактусу**, хотя эта атрибуция сомнительна. Как ни отрывочны эти сведения, их достаточно, чтобы показать, что математические и астрономические знания проникали в Европу именно через Испанию.

Что же касается познаний в области медицины, то они распространялись иным путем: главным образом через старое медицинское училище в **Салерно** (Юж. Италия). В X в. некий еврей, известный под именем **Донноло**, бывший пленник сарацин, составил для этого училища несколько медицинских трактатов на древнееврейском языке. Эти трактаты включали в себя элементы арабской медицины. Однако решительное продвижение ее в Европу - своего рода прорыв - было осуществлено лет на сто позже с помощью человека по прозвищу **Константин Африканский**. Сообщается, что он зарабатывал себе на жизнь как странствующий купец, разъезжая между Тунисом и Южной Италией, возможно перевозя лекарства. Посетив однажды Салерно, он убедился, каким отсталым было местное медицинское училище, и по неизвестным причинам отправился изучать медици-

1 Это первое свидетельство об использовании в Европе арабской системы счисления

2 **астролябия**-угломерный прибор, служивший для определения положения небесных светил

3 Датированные 1048 г. и включающие в себя арабское учение

ну в мусульманские страны. Через некоторое время он вновь вернулся в Салерно. Многие в этих сведениях, возможно, идет от легенды, однако достоверно известно, что последнюю часть своей жизни Константин провел в бенедиктинском монастыре в Монте-Касино, где переводил на латынь изученные им медицинские произведения. Среди них был медицинский компендиум *Liber regius*, принадлежавший перу иракского врача X в. который был известен в Европе как *Хали Аббас*.

ВЕЛИКАЯ ЭПОХА ПЕРЕВОДОВ

Сохранилось много рукописных арабских переводов на латынь, однако современные специалисты полагают, что указание на какого-то определенного переводчика в них - всего лишь поздняя догадка. В идентификации переводчиков также существуют трудности. Таким образом, если сведения об эпохе переводов справедливы в целом, то в деталях они нуждаются в коррективах.

После занятия Толедо христианами (1085) многие мусульмане и арабоязычные евреи продолжали там жить. *Раймунду*, занимавший пост архиепископа Толедо с 1125 г. до своей смерти в 1151 г., понимал, какие великие возможности открывает сложившаяся ситуация, и поощрял ученых приезжать в Толедо. Он встречался с Петром Достопочтенным, когда тот посетил Испанию в 1142 г., и, возможно оказывал помощь переводчикам. Однако два самых известных ныне переводчика развернули свою деятельность в Толедо уже после смерти Раймунду. Один из них, *Доминик Гундисалви* (Доминго Гонсалес), архидиакон Сеговии, работал в содружестве с арабоязычным *Ибн Даудом* (Avendeth), иудеем, обратившимся в Христианство, и с *Иоанном Севильским*¹. Вероятно, Гонсалес выбирал сочинение для перевода и придавал латинскому тексту окончательную форму, после того как помощники передавали на латыни основной смысл арабского оригинала. Как представляется, большинство переводов XII в. были сделаны именно таким образом - двумя учеными, работавшими сообща. Другим великим переводчиком был *Джерардо Кремонский*, итальянец, приехавший в Толедо и проработавший там много лет, до своей смерти в 1187 г. Ему приписывается около ста переводов. Можно предположить, что существовала группа переводчиков, группа переводчиков, работавших под его руководством; во всяком случае, известно, что он работал с мосарабом, христианином по имени *Галиб* (Galippus). По другому предположению, Джерардо Кремонский - просто имя, добавляемое более поздними учеными к переводам, авторство которых вызывало сомнения.

Другие части Испании также внесли свой вклад в работу переводчиков XII в. Несколько предшествовал Гундисалви *Хуго Сантальский*, переводивший научные сочинения для епископа Тарасоны, городка к западу от Сарагосы. Примерно там же и в то же время трудились над переводами работ по астрономии и метеорологии два ученых из-за Пиренеев, но их оторвали от этого занятия ради

1 Johannes Hispalensis; впрочем, возможно, что это два разных лица, ни одно из которых не идентифицируется с более поздним *Хуаном Испанским*

теологических переводов для аббата Петра Достопочтенного (на них мы остановимся далее). Это были *Херманн Далматийский* и англичанин *Роберт из Кеттона*, ставший впоследствии архидиаконом Памплоны. На восточном побережье, в Барселоне, итальянец *Платон Тиволийский* переводил с арабского труды по геометрии и астрономии.

Из государств крестоносцев на Востоке дошли до нас всего один-два перевода. Главным из них был перевод медицинского компендиума Хали Аббаса, выполненный Стефеном Пизанским (или Антиохийским). Абельяр, англичанин из Бата, учившийся во Франции и проведший некоторое время в Сицилии, также побывал в Сирии. Возможно, что он учился в и в мусульманской Испании, однако достоверных свидетельств тому нет. Во всяком случае, он имел представление о последних достижениях арабской науки. Получив образование в традициях кафедральных школ, он тем не менее стал одним из самых влиятельных проводников научного духа. Его переводы включали астрономические таблицы аль-Хорезми и Основы Эвклида.

К XIII в. среди интеллигенции Западной Европы наметилось сильное течение, способное ассимилировать арабские достижения в науке и философии и готовое к новым открытиям. Оставшиеся значительные арабские сочинения переводились теперь в той мере, в какой они интересовали европейцев. Выдающейся личностью этого периода был *Майкл Скотт* (Михаил Шотландец), умерший не позднее 1236 г., возможно в Шотландии. Со временем вокруг его имени возникло много легенд, его называли волшебником и наделяли магической силой, из-за чего он и снискал место в дантовом аду. Рассказы о том, как он угощал друзей кушаньями, доставленными прямо из кухни короля Франции или Испании, возможно, отражают в несколько утрированной форме тот факт, что повышением уровня своих гастрономических вкусов европейцы были обязаны мавританской кухне. Известно, что Майкл был в Толедо, затем в Болонье, в Риме, а оттуда по рекомендации Папы был направлен к архиепископу Кентенберийскому. Наиболее подходящее окружение он обрел, однако, в Сицилии, при дворе *Фридриха II Гогенштауфена*, который сам интересовался различными отраслями арабской науки. Именно для него были сделаны некоторые переводы Майкла: научных и философских сочинений *Аристотеля*, комментариев *Аверроэса* (Ибн Рошда) к этим сочинениям, трудов *Авиценны*.

Еще одной значительной личностью XIII в. был *Алфонсо X Мудрый* из Кастилии (1252-1284). Руководствуясь глубокой личной заинтересованностью, он заказывал переводы научных и исторических работ; он также основал несколько высших учебных заведений. Одни переводы выполнялись на латыни, другие на кастильском диалекте испанского языка, который только что стал официальным языком государства. Конец XIII в. знаменовал завершение великой эры переводов с арабского на латынь, хотя отдельные переводы появлялись еще в XVI и даже в XVII в. Именно благодаря этим ранним переводам арабская наука и философия

оказали столь большое влияние на интеллектуальное развитие Западной Европы. К XII в. европейцы уже сами достигли высокого уровня в науке и философии.

И наконец, несколько слов об участии испанских евреев в передаче Европе арабской науки и философии. Как и в других мусульманских государствах, евреи в Испании представляли опекаемое меньшинство - *Ахль-аз-Зимма*; с арабами у них были прекрасные отношения, как потому, что евреи помогали арабам против вестготов во время завоевания страны, так и потому, что сами арабы составляли в Испании меньшинство. В середине X в. *Хасдаи ибн Шапрут* стал придворным врачом *Абд-ар-Рахмана III*, проявил себя на халифской службе умелым дипломатом и собрал в Испании группу изучающих Талмуд. Благодаря этой группе древнееврейский стал развиваться в Испании как язык науки. В повседневной же речи испанские евреи пользовались либо арабским, либо испанским языком. Некоторые евреи, изучив арабскую науку и философию, стали специалистами в этих областях. Отдельные, как *ибн Гебироль (Avicbron) (ум. 1058)* или *Маймонид (ум. 1204)* писали по-арабски. В начале XII в. стали появляться переводы арабских научных сочинений на древнееврейский, а также оригинальные труды на этом языке. Одним из наиболее известных еврейских ученых был *Ибн Эзра*, или Абрахам-иудей (ум. 1167). В XIII-XIV вв. Еврейская ученость процветала не только в Испании, но также на юге Франции и в других областях. Были случаи, когда древнееврейские сочинения переводились на латынь. Но прежде всего евреи играли роль передатчиков арабской науки и философии, поскольку они часто были непосредственно связаны с христианскими учеными Западной Европы.

Далее я намереваюсь рассмотреть отдельные отрасли знания и указать, как в каждой из них вклад арабов сначала был ассимилирован европейцами, а затем превзойден ими.

РАЗВИТИЕ В ЕВРОПЕ МАТЕМАТИКИ И АСТРОНОМИИ

У Герберта из Орийака очевидно не было учеников преемников в его математических студиях, и значительное преимущество арабской системы счисления не было признано сразу. В области астрономии проблеск интереса можно проследить в ранних работах в Лорэне и некоторых других местах. Однако как математика, так и астрономия не привились в Европе.

Изложение логичнее начать с описания внедрения арабской системы счисления, хотя хронологически этот процесс относится к XIII веку. До той поры в Западной Европе пользовались неудобными римскими цифрами, которые значительно усложняли большую часть математических операций и серьезно мешали изучению математической теории. Вероятно отдельные люди знали о существовании греческой шестеричной системы. Обычно считается, что арабская система счисления была введена в действие благодаря публикации в 1202 г. сочинения Liber

авасі, написанного *Леонардо Фибоначчи* из Пизы. В этой книге автор показал, как десять знаков упрощают арифметические операции и расширяют возможности их применения. История написания книги весьма показательна. Отец Леонардо одно время возглавлял пизанскую торговую колонию в Бужи (Алжир) и при торговых сношениях с арабами видимо ценил превосходство арабской системы счета. Чтобы подготовить сына к занятию семейным ремеслом, он стал посылать его к арабскому учителю математики в Бужи. Возможно и других детей учили так же, но Леонардо отмечен печатью математического гения, и ему по праву принадлежит первенство. Его проарабские тенденции отразились даже на собственном имени, которое он дает в книге на арабский манер: Леонардус сын Бонациуса.¹

Почти сразу после того как удобство арабского счета было убедительно показано, он получил широкое практическое применение. Вместе с цифрами в европейские языки вошли различные новые слова. Французское *chiffre*, немецкое *ziffer*, английское *cipher*, так же как и английское и французское *zero*, все произошло от арабского *сыфр* - пустой. Арабское слово прилагалось к знаку, который использовали, чтобы показать, что определенная позиция (единицы, десятки, сотни и т. д.) не заполнена. Поскольку этот знак выражал некую отвлеченную идею, его стали применять позже, чем остальные девять знаков: кое-кто из освоивших девять знаков находил сложным применение нуля, они просто привыкли оставлять данную позицию пустой. Тем не менее (или, возможно, как раз вследствие этого) слово, обозначавшее отсутствие цифры, нуль стало употребляться в европейских языках для обозначения всех десяти цифр. Есть другое арабское слово *сифр*², означающее книга, писание; иногда полагают, что оно повлияло на европейское осмысление заимствования, но это представляется нам маловероятным.

Некоторый интерес к астрономии вызвало обсуждение в Каролингскую эпоху христианского календаря. Как мы уже упоминали, следы этого интереса можно обнаружить и в последующих веках. Самостоятельное продвижение вперед (на базе арабской астрономии) можно считать начатым одним испанским евреем, который в 1106 г. принял Христианство под именем Педро де Алфонсо. От его собственных сочинений мало что сохранилось, но он оказал большое влияние на последующие поколения астрономов, особенно в Англии и Франции. Он прибыл в Англию около 1110 г. в качестве врача короля Генриха I. И большую часть своих знаний поведал монаху по имени Уолчер, который приехал из Лорэна и уже несколько лет вел астрономические наблюдения. Уолчер и Абельяр из Бата, возможно также испытавший влияние Педро де Алфонсо, помогли формированию научной традиции, которая достигла кульминации в Роберте Гроссетесте (ум. в 1253 г.), од но время занимавшим пост ректора Оксфордского университета. Эти люди не просто интересовались явлениями природы, но были преисполнены истинно исследовательским духом, который находил выражение в их наблюдениях и экспериментах. Гроссетест позднее пришел к убеждению, что в основе всей все-

1 Возможно, что Бонациус здесь - прозвище, наподобие арабского Хасан ибн Салих

2 По арабски отличающееся написанием и произношением

ленной лежат математические принципы. К тому времени ученым были доступны переводы некоторых греческих трудов, выполненные непосредственно с греческого языка, но основными стимулами к развитию науки были личные контакты с живой арабской традицией и латинские переводы арабских работ.

МЕДИЦИНА В ЕВРОПЕ

Уровень медицинской практики в Европе, до того, как дало себя знать арабское влияние, видимо, был очень низок. Усаме ибн Мункизу, арабскому автору времен Крестовых походов, принадлежит известное описание варварских методов европейских медиков.

Мусульманский эмир, дядя писателя, послал соседу-франку по его просьбе врача. Врач вернулся на удивление быстро, но ему было что рассказать! Его позвали лечить рыцаря и женщину. У рыцаря был абсцесс на ноге, и арабский врач применил припарки к голове. Абсцесс прорвался и начал уже подсыхать. Женщина страдала сухоткой¹. Араб предложил строгую диету, включавшую много свежих овощей.

Затем появился фракский врач. Он спросил у рыцаря, что тот предпочитает: жить на свете с одной ногой или умереть с двумя. Рыцарь дал желаемый ответ. Врач заставил его положить ногу на колоду, и какой-то силач взялся отрубить больную часть ноги острым топором. Первый удар не достиг цели. Вторым раздробил кость, и тот человек умер сразу.

Лечение женщины оказалось еще ужаснее. Франкский доктор объявил, что в нее вселился бес и что надо ее отречь. Так и сделали, после чего больная вернулась к своему рациону из чеснока и горчицы. Сухотка усилилась, что врач приписал перемещению беса в голову больной. Он сделал крестообразный надрез на ее черепе, так, что обнажил кость, и втер туда соль. Женщина тут же умерла. После этого арабский врач спросил, нужен ли он еще, получил отрицательный ответ и отправился домой.

Эта история напоминает рассказы европейских миссионеров XIX в. об африканских знахарях-колдунах. Однако это не последний приговор Усамы европейской медицине. Он описывает также лечение франкским врачом гангренозной ноги и приводит лекарство от золотухи, рекомендованное одним франком, добавив, что сам проверял его и нашел весьма эффективным. И хотя, казалось бы, в высказываниях Усамы существует некоторое противоречие, присмотревшись внимательнее, можно увидеть в нарисованной им картине европейской медицины известную стройность. В первом рассказе содержится критика, прежде всего - непонимания физиологических причин болезненного состояния, а затем - критика незнания соответствующей хирургической техники. Хвалит же Усама франков за их познания в лечебных свойствах минералов и растений.

¹ Тут однако, не вполне ясно, что автор имеет ввиду

Европейские источники обычно разделяют эти воззрения о сильных и слабых сторонах медицины в Европе. Старейшей медицинской школой принято называть училище в Салерно, но ранняя история его неясна. Климат тех мест способствовал выздоровлению больных, и в источниках встречаются упоминания о бенедиктинской больнице конца VII в. Очевидно, подразумевается скорее гостиница, предоставляющая койки, чем лечебное заведение.

Другая ранняя медицинская школа, возможно отпочковавшаяся от Салерно, существовала в Монпелье. Для 1137 г. мы располагаем сведениями о студенте гуманитарии из Парижа, отправившемся изучать медицину в Монпелье. Среди населения города было много арабов и евреев, в том числе арабоязычные христиане, в начале XIII в. медицина там была тесно связана с арабской традицией на юге Испании. Благодаря этому вклад Монпелье в посредничество между европейской и арабской медициной вероятно гораздо более значителен, чем это обычно представляют.

Очень скоро предметом изучения в медицинских школах стала хирургия. Первоначально хирурги считались низшими по своему общественному положению, и преподаватели медицинских школ смотрели на них свысока. В 1163 г. даже появился специальный церковный рескрипт, запрещающий преподавание хирургии наравне с другими медицинскими дисциплинами. Перемена в отношении к хирургии, вероятно, произошла в результате более широкого распространения медицинских знаний, когда стали доступны переводы с арабского, а крестоносцы уже имели какой-то практический опыт в сарацинской медицине. К 1252 г. Бруно да Лонгобурго из Падуи смог составить важный трактат под названием *Chirurgica Magna*.

Возможно, что опыт крестоносцев сказался и на первых лечебницах, открытых к 1200 г. как заведения, специально предназначенные для содержания больных. Однако они все еще отставали от арабских в таких вопросах, как выделение для инфекционных заболеваний специальных палат. Пациентов в больницах навещали врачи, посещали врачи, однако первое свидетельство о больнице с собственным врачом относится к 1500 г. (в Страсбурге). Другая арабская традиция - клиническая практика студентов в больнице - была заимствована Европой лишь около 1550 г.

Продолжавшаяся вплоть до XV-XVI вв. Зависимость европейской медицины от арабской наглядно видна в списках работ ранних печатных книг. Первой из них был комментарий Феррари да Градо, ученого из Павии, к девятой части основ ар-Рази. Канон Авиценны был издан в 1473 г., второе издание вышло в 1475 г., а третье - до того, как было напечатано первое сочинение Галлена. До 1500 г. было выпущено шестнадцать изданий Канона. Поскольку этой книгой продолжали пользоваться и после 1650 г., считается, что это самый изучаемый медицинский труд во всей истории человечества. За Каноном идут другие переведенные с арабского работы таких авторов, как ар-Рази, Аверроэс, Хунайн ибн Исхак и Хали Аб-

бас. Статистические данные показывают, что число ссылок в ранних европейских трудах убедительно свидетельствует о преобладании арабского влияния над греческим. В работах Феррари да Градо, например, Авиценна цитируется более трех тысяч раз, ар-Рази и Гален - по тысяче раз каждый, и Гиппократ - всего сто раз. Короче говоря, в XV-XVI вв. европейская медицина была лишь слабым развитием арабской.

ЛОГИКА И МЕТАФИЗИКА

1100 год - удобная отправная точка, чтобы начать обзор состояния философии в Европе. В 1100 г. Ансельм приближался к концу своей карьеры, а карьера Пьера Абеляра только начиналась. Классические предметы образования еще сохранялись в монастырских и кафедральных школах, но основной интерес сосредоточен был на их литературном аспекте. С X века велось изучение определенного числа сочинений Аристотеля по логике, в переводе и с комментариями Боэция. Это привело к развитию диалектики. Естественно, поскольку вся жизнь общества протекала в рамках христианской догмы, а образование находилось в руках церкви, диалектика тоже была подчинена той же догме. И вот Ансельм составляет диалектические, или рациональные, оправдания смыслу религии, и в результате его трудов религия предстает как стройная рациональная система. В следующем поколении Абеляр представляет мысль более изощренную. Он начинает с противоречий, в которые упирает ся диалектика, но обращает свою критику не против самой диалектики, а против неверного ее применения. Никто из них, однако, не предпринимает попытки связать христианскую доктрину с всеобщим метафизическим взглядом. Вообще к 1100 г. христианской церкви совсем не была знакома всеобщая метафизика.

Можно наблюдать любопытные черты сходства и различия в процессе того, как арабы воспринимали греческую философию и как Западная Европа воспринимала философию арабов. Интересы арабов прежде всего проявились в области медицины и астрономии, но эти дисциплины всегда оставались на окраине интеллектуальной жизни Халифата. Философия первоначально попала в поле зрения арабов из-за того, что была связана с другими предметами, но затем они нашли ее весьма полезной для своей главной интеллектуальной цели - тех аргументов, которые, будучи откровенно теологическими, имели важное политическое значение. В Европе же основные теологические доказательства почти не несли политической нагрузки и были в основном предназначены для чисто церковного употребления. В то же время, широко распространился интерес к отдельным наукам, проникнувший даже в некоторые школы. Это упрощалось и принятой в то время системой семи свободных наук, восходящей к VI в. Эти семь наук подразделялись на тривиум (арифметику, астрономию, геометрию и музыку). Большинство монастырских и кафедральных школ сосредоточивали свое внимание на тривиуме, поскольку с точки зрения европейской учености квадривиум представлялся несущественным. Даже когда Шартрская школа в первой половине XII в. разработала с помощью ряда выдающихся преподавателей платонову форму квадривиума, в

нем была мало использована арабская наука. Сочинение Абельяра Батского, озаглавленное *De eodem et de diverso*, все еще зиждется на *Timaeus* Платона, Однако Естественные вопросы того же Абельяра уже способствовали распространению арабской учености.

Первые оригинальные европейские труды по метафизике (как и по многим другим наукам) были созданы переводчиками. Доминик Гундисалви, в частности, написал сочинения (в значительной базе на базе арабских источников) под названием *O бессмертии души* и *O разделении в философии*. Разрабатывая концепцию Бога, как недвижимого Движителя, он соотнес теологию с физикой, как это было сделано Авиценной в *Китаб аш-Шифа*¹ и в *Макасид аль-Фаласифа*, своде воззрений Авиценны, принадлежащим перу аль-Газали. Это сближение теологии с физикой и метафизикой постепенно привело к появлению на латыни нового типа теологических сочинений, который достиг кульминации в философии Фомы Аквинского.

В европейской философской мысли было весьма сильно августинианское и платоновское направление, которое еще больше укрепилось под влиянием неоплатонического учения Ибн Сины (Авиценны) и его последователей. Некоторые отличия от него вносило лишь европейское стремление к эмпиризму в практических дисциплинах, которому весьма импонировала экспериментальная часть арабской науки. Тем более примечательно, что, когда интеллектуальная атмосфера эпохи потребовала рационального подтверждения научного метода, представили эти аргументы Роберт Гроссетест и Роджер Бэкон (ок. 1214-1292), т. е. ученые, придерживавшихся платоновской традиции.

Учение Аристотеля о логике, по крайней мере частично, было давно известно в Европе по трудам Боэция. В XII в. появился перевод части *Органона*, выполненный непосредственно с греческого, за ним - другие, сделанные с арабского. Однако значительно более полное понимание аристотелианства пришло с переводом трудов Ибн Рошда (Аверроэс), особенно его комментариев к метафизическим сочинениям Аристотеля. Эти переводы относятся к XIII в., но кое-какие сведения о воззрениях Аверроэса могли дойти до латинских философов еще до смерти ученого в 1198 г. Разумеется, аристотелианство было быстро подхвачено членами доминиканского ордена, такими как Альберт Великий (ок. 1206-1280) и Фома Аквинский (1226-1274). Последний особенно полно усвоил и использовал взгляды Аристотеля в теологически приемлемой системе.

Однако влияние Аверроэса на европейскую мысль может быть понято неверно, если слишком близко связать его с латинским аверроизмом Сигера Брабантского (ок. 1235-1282) и др. Среди прочего Сигер учил, выводы разума в его философском смысле могут противоречить истинам откровения, но и те и другие следует принимать. Такова теория двойственной истины, хотя сам Сигер никогда не употреблял этого термина. Аверроэс, безусловно, подразумевал нечто подоб-

1 В латинской традиции известной как *Sufficientia*

ное, но смягчал эту оппозицию предположением, что коранические тексты могут быть интерпретированы таким образом, что всякое противоречие будет снято: дело в том, что арабский язык обладает более широкими возможностями для различной интерпретации, чем латынь. Латинские Аверроисты не делали подобных попыток примирить разум с откровением, и их современники полагали, - и возможно не без оснований, - что их доводы, будучи доведены до логического конца, постепенно разрушат религию.

Само название латинские аверроисты не должно приводить к ошибочному заключению, что главным образом благодаря этому направлению арабская философская мысль, и в особенности воззрения Аверроэса, оказала влияние на Европу. Это далеко не так. Арабская мысль предоставила европейцам новый материал, открыла для них вместе со своим кругозором целый новый мир метафизики. Переводы с арабского были известны всем течениям европейской мысли - не только аверроистам и их противникам, группы последователей Фомы Аквинского, но и таким сторонникам консервативного платонизма, как Бонавентура, или платоникам-рационалистам типа Роберта Гроссетеста и Роджера Бэкона. Все последующее развитие европейской философии в глубоком долгу у арабских авторов; и Фома Аквинский столь же обязан аристотелианству Аверроэса, как и Сигер Брабантский.

ИСЛАМ И ЕВРОПЕЙСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

В предыдущих главах я старался показать, в какой мере присутствие мусульман в Испании и Сицилии, многочисленные торговые контакты в этих и других районах отражались на распространении мусульманского способа производства. Отметим, что подобное проникновение не воспринималось европейцами как нечто чужеродное, угрожающее их истинной сущности. Даже в мусульманской Испании общая культура рассматривалась христианами-мосарабами как их собственная - в той же мере, как и мусульманская. Я показывал также, как растущее благосостояние и жизненная активность Западной Европы привели в XI веке к возникновению движения Крестовых походов. Несомненно, следствием той же повышенной жизненной активности явилось обращение европейской интеллигенции XII в. к изучению мусульманской науки и философии. Можно ли теперь, рассмотрев различные аспекты взаимоотношений между мусульманским миром и Западной Европой, сделать заключение об общем значении их для Европы?

Прежде чем попытаться разрешить этот важный вопрос, надо напомнить следующее. Как я уже говорил раньше, историка Ислама в средневековой Европе больше всего поражают два момента: духовная или религиозная глубина движения Крестовых походов и тот искаженный образ Ислама, который продолжает доминировать в европейском мышлении с XII в. почти по сей день. Остановимся теперь поподробнее на этом искаженном представлении.

ИСКАЖЕННЫЙ ОБРАЗ ИСЛАМА

Совершенно очевидно, что Крестовые походы вызвали среди европейских ученых рост интереса к Исламу как религии. Конечно, некоторые сведения об Исламе доходили и раньше - частично из византийских источников, частично благодаря контактам христиан и мусульман в Испании. Однако эти сведения неизбежно было смешано с неверными данными. Сарацин рассматривали как язычников, поклоняющихся Мухаммаду. Самого Мухаммада либо считали колдуном, либо даже дьяволом. Полагали, что мусульманская религия одобряет сексуальную свободу и распущенность.

Неудивительно, что первыми, проявившими подлинное понимание Ислама, были те, кого мы назвали в числе переводчиков. В начале XII в. Педро де Альфонсо, обращенный в христианство иудей, посвятил один из своих Диалогов полемике с Исламом. По точности информации об Исламе, это бесспорно выдающийся труд, однако он мало повлиял на формирование представлений о мусульманстве. Более важными оказались переводы, выполненные двумя учеными астрономами Робертом Кеттонским и Херманном Далматийским, который они предприняли по поручению Петра Достопочтенного около 1142 г. На базе этих переводов, главным образом на основе принадлежащей перу Роберта, латинской версии Корана, сам Петр Достопочтенный составил свод мусульманского вероучения¹ и опровержение его². Эти два сочинения вместе с заказанными для Петра Достопочтенного переводами, известными как Толедский сборник, или Корпус Ключи, были первыми на латыни (не считая только что названного Диалога) научными трудами по Исламу. В Summa особенно заметно отсутствие тех грубых ошибок, которые до той поры были распространены в Европе, что показывает, каким важным шагом вперед она была. Вместе с тем именно это сочинение сыграло важную роль в создании представления об Исламе. В течение двух последующих веков к этому представлению был добавлен ряд деталей, но к тому моменту, когда Риколло де Монте-Кроче (ум. 1321 г.) написал свой Спор с сарацинами и Кораном, оно было сформулировано полностью.

Средневековое представление об Исламе отличается от современного непредвзятого учения в следующих четырех пунктах:

- ***а) мусульманская религия - ложь и сознательное искажение истины;***
- ***б) это религия насилия и меча;***
- ***в) это религия потворства своим страстям;***
- ***г) Мухаммад - Антихрист.***

Остановимся на каждом из этих четырех пунктов:

1 Summa totis haeresis Saracenorum

2 Liber contra sectam sive haeresim Saracenorum

а) Ислам - ложь и сознательное искажение истины.

Библейская концепция Бога и человека настолько доминировала в представлениях средневековых европейцев о природе, что они просто не представляли себе возможности других взглядов. Соответственно во всех тех случаях, где мусульманское учение отличалось от христианского, оно считалось ложью. Общий ход мыслей на этот счет можно проиллюстрировать отрывком из Фомы Аквинского³, - а ведь Фома был одним из самых умеренных, равно как и одним из самых способных, мыслителей XIII в. После речей о том, сколь обидны и многочисленны знаки и свидетельства, подтверждающие и поддерживающие христианскую веру, Фома настаивает, что ничего подобного нельзя найти у тех, кто, подобно Мухаммаду, стал основоположником сект, как он это именуется. Кроме плотских соблазнов Ислама он указывает на неубедительность свидетельств и аргументов, приводимых Мухаммадом, на смешении в Коране истинного с недостоверным и ложным, на отсутствие чудес, которые подтверждали бы претензии Мухаммада на пророческий сан. Его первые последователи описываются как люди не искушенные в Божественных делах... но bestiales, обитающие в пустыне - подразумевается, что они некритически воспринимали подобные претензии. Однако этих последователей оказалось так много, что Мухаммаду удалось военной силой принудить остальных обратиться в мусульманство. Вопреки заявлениям Мухаммада, что его приход предсказан в Библии, изыскания показывают, что он искажает все свидетельства Ветхого и Нового Заветов.

Фома Аквинский и большинство других авторов удовлетворялись заявлениями, что Мухаммад смешивает истину с ложью, однако некоторые шли дальше, заявляя, что если он и говорил когда-либо правду, он смешивал ее с ядом, искажая ее. Следовательно, истинные моменты сами по себе приравнивались к меду, добавляемому, только чтобы прикрыть яд.

Эта часть представлений об Исламе подразумевает существование некоего контрастного образа Христианства. Библия рассматривается как чистое, несфальсифицированное выражение божественной истины, облеченное в совершенную форму, действенное для всех времен и народов. Христианское вероучение считается обращенным к разуму людей зрелых, образованных и культурных, оно зиждется на исторических свидетельствах.

б) Ислам - как религия меча и насилия.

Как уже было отмечено, даже такие ученые как Фома Аквинский, полагали, что Мухаммад распространял свою религию с помощью военной силы. Непременным правилом религии сарацин считалось также стремление грабить, забирать в плен, убивать врагов их Бога и их пророка, преследовать и уничтожать их всячески Педро де Альфонсо. Один слишком рьяный апологет Крестовых походов, Гумберт Романский дошел даже до утверждения, что они так ревностны в своей ре-

3 Summa contra Gentiles, кн. 1, гл. 6

лигии, что, где бы они ни захватывали власть, безжалостно обезглавливают всех, не исповедующих их веры.

В этом отношении европейское представление об Исламе далеко от истины. На самом деле выбор между Исламом и мечом не ставился ни перед иудеями, ни перед христианами или представителями другой известной религии, он был применяется только для идолопоклонников и вообще был редко применяем за пределами Аравии. Военная активность мусульман, описаниями которой полны все исторические труды, вела лишь к политической экспансии, обращение же в Ислам производилось с помощью проповеди или общественного давления.

Представление об Исламе как о религии насилия также подразумевает контрастный образ христианства как религии мира, распространяемой убеждением. Удивительно, как люди, участвующие в Крестовых походах, могли допускать, что их собственная вера - религия мира, а вера их противников - религия насилия. Некоторые авторы, правда, понимали, что концепция религии мира была скорее идеалом, чем реальностью, но в качестве аргумента выдвигали довод, что несоответствие плохих христиан идеалу не является препятствием для самого христианства. Вероятно, этот парадокс может быть объяснен, если напомнить, что целью Крестовых походов было не насильственное обращение врагов в Христианство, а, как указывал позднее Фома Аквинский, предотвращение возможности неверным помешать христианской вере. Возможно, сюда входило и возвращение исконно христианских земель.

в) Ислам как религия потворства своим страстям.

В глазах средневековых европейцев Ислам был именно такой религией, особенно в вопросах пола. Многоженство занимало видное место в представлениях об Исламе. Часто считалось, что для мусульманина единственным ограничением количества жен служило его материальное положение. Авторы, которые не могли не знать, что число разрешенных Исламом жен не превышает четырех, тем не менее, говорят о семи или о десяти. Стихи Корана часто переводились неверно, чтобы внести предосудительный сексуальный оттенок там, где его заведомо не было. По меньшей мере, один автор отыскал в Коране стих, по его мнению, разрешающий блуд. Остальные, казалось, находили удовольствие в преувеличении деталей сексуальной жизни мусульман. Противоестественные, или скотские виды половых сношений между супругами якобы поощрялись и широко практиковались в Исламе. Полагали, что Коран даже позволяет мужеложство. Вершиной мусульманской половой распущенности некоторым представлялась кораническая картина рая. Особое внимание уделялось гуриям, этим чернооким девственницам, предназначенным для удовлетворения желаний праведников, - что считалось особенно скандальным. Строгой критике подвергалась супружеская жизнь самого Мухаммада, хотя зачастую эта критика основывалась на преувеличениях и ложных посылах. Отдельные детали этой средневековой картины основаны на фактах. Мусульманин может иметь четыре жены и сверх того наложниц. Он мо-

жет развестись с женой не объясняя причин развода. Однако и браки, и разводы отнюдь не случайны, они тщательно регулируются правовыми процедурами. Прелюбодеяние состоящих в браке лиц наказывают, побивая виновного камнями (как в Библии), но вынесение приговора настолько осложнено предварительными условиями, что редко осуществляется. В кораническом раю действительно предусмотрены гурии, чистые супруги, но наивысшая радость там состоит в лицезрении Бога. Таким образом, средневековое представление о мусульманских нормах половой жизни в значительной мере карикатурно.

С точки зрения европейцев, мусульмане предавались своим страстям и в других отношениях. Красивая жизнь мусульманской Испании и Сицилии неизбежно представлялась средоточием пагубных соблазнов тем, кто не мог вкушать подобной роскоши. Коран якобы учил людей нарушать клятву, когда им это было угодно, и сулил людям рай не за добрые дела, а лишь за прочтение *шахады* (мусульманский символ веры). Считалось также, что вера в судьбу, распространенная среди мусульман, служит оправданием лени и бездеятельности. В этом отношении также представления об Исламе сочетали истину с ложью. Ислам выступает против монашеского образа жизни, и если безбрачие и встречалось среди мусульман, то в нем не видели никакой особенной доблести. Большинство прочих форм аскетизма, однако, одобрялось. Пост в месяц Рамадан является большим испытанием стойкости и до сих пор практикуется населением стран, где преобладает мусульманство.

Этот аспект представлений об Исламе подразумевал, что христиане не предаются своим страстям. Действительно, христианский идеал выражался в моногамном браке длиною в жизнь, что касается половой близости, то она, по общему мнению, даже в браке не считалась большой добродетелью - человеческие средства воспроизводства существуют для продолжения рода, а отнюдь не для наслаждения. Далее мы остановимся на этом подробнее.

г) Мухаммад как антихрист.

Некоторым европейским исследователям Ислама мало было заявления, что в Коране много лжи, а Мухаммад вовсе не пророк. Петр Достопочтенный принял идею некоторых византийских теологов, что Ислам - христианская ересь. Он утверждал, что Ислам еще хуже ереси и что мусульман следует приравнять к язычникам. Основой христианских воззрений по этому поводу служило следующее рассуждение: поскольку Мухаммад, не будучи пророком, все-таки основал новую религию, значит, он откровенно поощрял зло; следовательно, он является либо орудием, либо посланцем дьявола. Таким образом, Ислам оказывался абсолютно противоположным Христианству.

КОНТРАСТИРУЮЩИЙ ОБРАЗ ЕВРОПЫ

Вот таковы четыре основных аспекта искаженного образа Ислама, сформировавшегося в Европе между XII и XIV вв., от которых неотделимы соответствующие аспекты контрастирующего образа католического Христианства. Поскольку жители Западной Европы думали о себе именно так, этот подразумеваемый образ можно назвать образом Западной Европы. Христианство считалось абсолютной религией, привлекавшей к себе людской разум. Это была мирная религия, обращавшая людей в свою веру убеждением, религия аскетизма, умерщвлявшая все плотские побуждения. Этот образ, возможно нигде не декларировался в таком виде, но он подспудно присутствовал в образе Ислама.

Возможность дать систематическое и рациональное представление о христианской вере была всесторонне продемонстрирована мыслителями XII - XIV вв., в особенности Фомой Аквинским, хотя возможно, что своим современникам он не казался таким из ряда вон выходящим теологом, как нам. Интеллектуальная структура, разработанная Фомой Аквинским, завершала процесс, который протекал более ста лет. За это время арабская наука и философия дали Европе новую концепцию мира. Эта наука стимулировала существовавший и раньше интерес к практике, и из отвлеченных научных штудий выросла новая, более широкая космологическая и метафизическая система. Хотя теология не основывается прямо на космологии, человек долго не может терпеть разительное несоответствие между своей космологией и своими религиозными верованиями. Поэтому европейские теологи принялись приводить в соответствие христианскую доктрину и эту новую науку. Фома Аквинский, как и многие другие, воспринял все, чему учили арабы, особенно то, что сохраняло аристотелианские формы. Используя работы своих предшественников, он создал удивительно стройную систему взглядов, в которой гармонически сочетались философия и религиозная доктрина. Так, претензия христиан, что их вера взывает к человеческому разуму, была удовлетворена.

Следует подчеркнуть, что Фома Аквинский полностью сознавал значение существования Ислама у границ Христианства и содержащийся в этой ситуации вызов. Во второй главе *Summa contra Gentiles* он заявляет, что его целью было полностью выявить истину, проповедуемую католической верой. Он идет еще дальше, указывая, что если против иудеев и еретиков можно использовать доводы Библии, то в борьбе с мусульманами и язычниками нужно прибегать к научным доводам. Однако он считает, что научные доводы не могут доказать все христианские доктрины, хотя и способны продемонстрировать, например, существование и единство Бога. Что же касается тех христианских доктрин, которые превышают компетенцию научных доводов, таких, например, как догмат Троицы, то тут можно показать, что возражения против них не подтверждаются разумом. Таким образом, ясно, что цель труда - апологетическая защита христианской веры против возражений и критики, защита основанная на доводах натурфилософии без предположения, что противник принимает Библию. Следовательно, сама форма этого

сочинения определена существованием Ислама как проблемы для Западной Европы. Христианство же представлено в нем как структура превосходящая не только Ислам, но и воззрения таких философов как Авиценна и Аверроэс.

Существенным представляется и то обстоятельство, что как философия томистов, так и более поздние европейские философские течения приписывают Аристотелю главенствующее положение. Классические науки никогда не умирали в Европе полностью - ведь латынь продолжала оставаться языком учености. В меньшей степени был известен греческий - в основном благодаря контактам с Византией. В XII в. были предприняты некоторые переводы Аристотеля и Платона непосредственно с греческого. Но наиболее влиятельной фигурой в философии того времени был Авиценна; новейшие исследования показывают, что роль его была еще более важной, чем до сих пор предполагалось, - возможно потому, что его учение было близко платоновскому направлению христианской философской мысли. XIII в. принес увеличение влияния Аристотеля, что в основном явилось следствием переводов сочинений Аверроэса, среди которых было несколько комментариев к сочинениям Аристотеля. Здесь мне хотелось бы отметить, что европейцев привлекали у Аристотеля не только специфические черты его философии, но также тот факт, что он принадлежал в какой-то смысле к собственно европейской традиции. Иными словами, предоставление Аристотелю главного места в философии и науке также следует рассматривать как один из аспектов стремления Европы противопоставить себя Исламу. Чисто негативный отход от Ислама - тем более, когда в арабской науке и философии было заимствовано так много, - был бы трудным без позитивного вклада. Таким позитивным вкладом было обращение к классическому (греческому и римскому) прошлому Европы.

Иллюстрацию одной из стадий процесса, в ходе которого Европа пыталась отгородиться от мусульманского мира и идентифицировать себя с классическим наследием дает Данте. Возможно, что некоторые основные концепции Божественной комедии почерпнуты в мусульманских источниках и что Данте сознавал, что Европа обязана арабским философам. Но примечательно, что в своем великом творении он проявляет относительное пренебрежение к Исламу, отличие от Ислама отмечено тем, что Мухаммад помещен в ад среди раскольников, но о нем говорится гораздо меньше чем об античном Улиссе. Вклад арабских философов удостоверяется присутствием Авиценны и Аверроэса в преддверии ада, но их там лишь двое, тогда как греков и римлян - добрая дюжина, и возглавляет семью философов Аристотель, учитель известный всем. Позитивная же часть сочинения вся пронизана отсылками к классике, и ведет Данте не кто иной, как Вергилий.

Следующую стадию этого процесса можно наблюдать уже во времена Ренессанса. Былое восхищение всем арабским сменилось отвращением. Итальянский ученый Пико делла Мирандола (1463-1494), который сам хорошо знал арабский, арамейский и древнееврейский, вначале одного из своих трудов говорит: Во имя неба, оставьте нам Пифагора, Платона и Аристотеля и забирайте своего Омара, своего Алкабитиуса, своего Абензоара, своего Абенрагеля!. В XIII - XIV вв. в уни-

верситете в Саламанке (также как в Болонье, Оксфорде, Париже и Риме) существовала должность преподавателя арабского языка, но в 1532 г., когда ученый из Нидерландов поинтересовался в Саламанке преподаванием этого предмета, один известный испанец ответил ему: Какое тебе дело до этого варварского языка? Достаточно знать латынь и греческий. В молодости я был так же глуп, как и ты, и занимался арабским и древнееврейским, но я уже давно их забросил и всецело обратился к изучению греческого. Позволь и тебе пожелать того же.

ИНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ

Исходя из приведенных данных об искаженном образе Ислама, сложившемся в Европе и противопоставленном ему образу Христианства, базировавшемся на новой интеллектуальной основе, перейдем теперь к совершенно иной ситуации в мусульманском мире. Как я уже говорил исламовед, обращающегося к средневековой истории Европы, прежде всего поражает мощь, размах движения Крестовых походов и то важное значение, которое приобретает в Европейской системе взглядов новое представление об Исламе. Этот неожиданный эффект вызывается прежде всего тем, что в мусульманском мире исследователь не встречается ни с чем похожим.

Если рассматривать Крестовые походы как серию войн между западным Христианством и мусульманским миром, естественно полагать, что они занимают одинаковое место в европейской и мусульманской истории, - но это далеко не так. Страны восточного Средиземноморья, которых на деле коснулись Крестовые походы, были в то время раздроблены между мелкими правителями, видевшими основную цель в том, чтобы удержать свое собственное положение и разбить своих местных соперников. У них не было причин объединяться против франков, а порой, некоторые из них заключали даже заключали с франками союзы против мусульман. Именно отсутствие единства среди мусульман позволило крестоносцам достигнуть определенных успехов. Основной мусульманской державой ко времени падения Иерусалима был **Сельджукский султанат**, под контролем которого находился Багдад и большинство восточномусульманских культурных центров. Но столицей султаната был Исфахан - город в шести неделях пути от театра военных действий. Естественно, что в Исфахане никто не беспокоился по поводу вторжения на сравнительно небольшой и такой далекой территории. Легко заметить, как мало значили Крестовые походы для великого мусульманского историка **ибн Халдуна** (ум. 1406). Единственным упоминанием о Крестовых походах в его пространном Введении в историю (**Мукаддима**) служат несколько абзацев о морском контроле над Средиземноморьем и две-три фразы о мечетях и священных зданиях в Иерусалиме. Словом, для большей части мусульманского мира Крестовые походы были ничуть не важнее, чем для Британии XIX в. стычки на северо-западной границе Индии, а на широкое общественное мнение они, возможно, оказали еще меньшее значение.

Неспособность понять эту разницу в значении Крестовых походов для Европы и мусульманского мира привела даже известных европейских историков к преувеличению влияния крестоносцев на жизнь мусульман. Например, утверждали, что крестоносцы привели к распаду Аббасидского халифата и отвлекли мусульман от должного сопротивления монголам.. Подобные утверждения весьма слабо обоснованы. **Аббасиды** практически не имели политической власти уже к 945 г., может быть воспрянув несколько после 1191 г., когда **Салахаддин** (Саладин), который как суннит признавал их, окончательно подавил **Фатимидов** в Каире. Что же касается сопротивления монголам, то ответственность ложится прежде всего на восточномусульманских правителей, которых Крестовые походы не затронули. Историки Европы говорят также о влиянии Крестовых походов на изменившееся отношение мусульман к христианам. Однако это представляется весьма сомнительным и могло происходить лишь временно и только в ограниченных областях, подвергшихся нашествию крестоносцев. Некоторые мусульманские вожди объявляли себя ведущими **Джихад**, т.е. ведущими священную войну, что, несомненно, увеличивало энтузиазм их сторонников. Но концепция Джихада была почтенного возраста и не находила широкого общественного отклика. У мусульман не возникло нового представления о Христианстве в результате Крестовых походов. В этом смысле они сохранили свой собственный образ Христианства, сформировавшийся во времена Мухаммада и поддерживавшей в них сознание собственного превосходства.

ЗНАЧЕНИЕ ВСТРЕЧИ С ИСЛАМОМ ДЛЯ ЕВРОПЫ

В ходе лекций, которые легли в основу данной книги, был кратко рассмотрен длительный исторический период, теперь остается сделать некоторые выводы о значении для Христианства этой встречи с Исламом.

Соприкосновение Западной Европы с мусульманской цивилизацией вызвало у европейцев многостороннее чувство собственной неполноценности. Мусульманская техника во многих отношениях превосходила европейскую, зажиточным мусульманам была доступна гораздо большая роскошь, но, вероятно, главное заключалось не в этом. Сначала непобедимость сарацин внушала страх, но затем норманские рыцари доказали, что равны им в военной доблести. Тем не менее, распространение власти мусульман устрашало. В начале XII в. европейцы полагали, что мир состоит из трех частей: Азии, Африки и Европы. Самая большая из них, Азия считалась почти целиком мусульманской, так же как и Африка, однако далеко не вся Европа была христианской. Таким образом получалось, что почти две трети мира принадлежит мусульманам. Всех христиан, вступивших в контакты с мусульманами, угнетала их непоколебимая уверенность в собственном превосходстве. Вообще чувства европейцев по отношению к мусульманам весьма напоминают чувства непривилегированных классов в крупном государстве. Подобно этим классам, европейцы обращались к религии как к средству утвердить свои позиции против господствующей группы, именно к тем двум ее формам, которые можно считать новыми разновидностями Христианства: к

культу св. Иакова из Компостеллы и к Крестовым походам. Паломничество в Компостеллу и всеобщий энтузиазм, вызванный Крестовыми походами на Иерусалим, были сходными как близнецы, очагами народного религиозного движения.

Искажение образа Ислама было необходимо европейцам, чтобы компенсировать это чувство неполноценности. Один из основных вкладов в этот новый образ был внесен **Петром Достопочтенным**, заказавшим Толедский сборник и составившим одновременно с этим Свод мусульманских доктрин и Опровержение этих доктрин. Это произошло около середины XII в., когда освоение арабской науки и философии еще не продвинулось так далеко. Таким образом, европейская интеллектуальная зависимость от Ислама, возможно, мало связана с этим чувством неполноценности, хотя стоит напомнить, что два работавших для Петра Достопочтенного переводчика, Роберт Кеттонский и Херманн Далматийский, изучали астрономию, прежде чем он побудил их взяться за переводы. Следовательно, Петр Достопочтенный должен был сознавать, что новые знания исходят от сарацин, и, возможно, это подсознательно вызвало у него ощущение неполноценности по отношению к ним. Образ Ислама, созданный к тому времени христианами учеными, позволил прочим христианам считать борьбу с мусульманами борьбой во имя света против тьмы. Мусульмане могли быть сильны - но теперь христиане были уверены в своем религиозном превосходстве.

Война света и тьмы - это звучит прекрасно, но теперь, после Фрейда люди понимают, что тьма, приписываемая врагам, это лишь проекция собственной тьмы, которую не желают признать. Так, искаженный образ Ислама следует рассматривать как проекцию как проекцию теневых сторон европейца. Преувеличенная сексуальность, приписываемая сарацинам, существовала и в Европе, но не соответствовала христианскому идеалу. Согласно христианским представлениям, сексуальность была плотской, а все плотское мешало душе, т. е. истинно человеку обрести вечную жизнь. По этим представлениям, монашеское целомудрие ставилось выше, чем жизнь в браке. Интересно было бы выяснить, не приходил ли на практике европейец, так восхвалявший на словах превосходство безбрачия, к сознанию того, развитие сексуальных возможностей открывает заманчивую перспективу?

Тот факт, что некоторые передовые личности подошли к пониманию того, как Ислам заместил в этих представлениях зло, содержащееся в самой Европе, свидетельствует о растущем самосознании европейского Христианства. Например, о Джоне Уайклифе, чья деятельность приходится на вторую половину XIV в., один современный ученый пишет:

Основные черты Ислама он считал столь же характерными для Западной церкви своего времени. Это не значит, что он был благосклонен к Исламу, совсем напротив. Отличительными чертами как Ислама, так и Западной церкви, по его мнению были гордыня, алчность, властолюбие и корыстолюбие, проповедь наси-

лия и предпочтение слову Господню людского хитроумия. Эти отличительные черты были причиной разделения между самими христианами на Западе, они же положили границу между Западом и его окружением.¹

Говоря о западной церкви в целом, Уайклиф даже употребляет выражение мы, Западные Магометы. Поскольку искаженный образ был так важен для жизни самой Европы, неудивительно, что он просуществовал века.

Если внимательно рассмотреть различные стороны средневекового противопоставления Христианства Исламу, становится ясно, что влияние Ислама на Западное Христианство было гораздо большим, чем это обычно представляют себе. Ислам не просто поделился с Западной Европой многими достижениями своей материальной культуры и техническими открытиями, он не только стимулировал развитие науки и философии в Европе, он подвел Европу к созданию нового представления о самой себе. Поскольку Европа выступала против Ислама, она приуменьшала сарацинское влияние и преувеличивала собственную зависимость от греческого и римского наследия. Зато теперь нам, сегодняшним жителям Западной Европы, которая близится к эпохе единого мира, важно исправить это искажение и признать полностью наш долг арабскому мусульманскому миру.

1 Southern, Western Views. P. 79